

УДК 340.1
ББК 67.0

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРАВОВЫХ РЕШЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ДЕТСКОГО БЛАГА

Ю.А. Гаврилова

Статья посвящена теоретической проблеме аксиологического обоснования законодательных и правоприменительных решений по защите детского блага как ценности на примере последнего законопроекта Президента РФ, ужесточающего уголовную ответственность за педофилию. Доказано, что нормативной конкретизации права часто предшествует аксиологическая конкретизация права.

Ключевые слова: *детское благо, правовая ценность, конкуренция ценностей, ценностный приоритет, баланс интересов, справедливость.*

Действующее российское законодательство и практика его применения постоянно подвержены динамическим изменениям, затрагивающим как нормативные, идеологические, так и ценностные основания права. Чрезвычайно особую роль в условиях современной России приобретает проблема ужесточения уголовно-правовой защиты детей от сексуальных посягательств со стороны взрослых. Можно высказать мнение, что данная проблема перешла отраслевой барьер и относится уже к уровню конституционно значимых. Это обусловлено тем, что детство совместно с материнством (отцовством) и семьей защищены статьей 38 Конституции РФ 1993 г. и находятся под охраной государства. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей [4, с. 15]. Однако общеизвестно, что Конституция не может регламентировать все подробные аспекты основных, базовых отношений в данной сфере жизни общества, не может подменить собой соответствующее отраслевое законодательство. Напротив, в конкретных условиях развития правовой системы отдельные стороны социальных отношений могут становиться объектом особой социальной значимо-

сти (ценности). Через осмысление различными силами в обществе на понятийном, рациональном уровне этот процесс внешне выражается в существенном повышении уровня нормативной (юридической) значимости конкретных отношений, вплоть до конституционного уровня. Несмотря на отсутствие в Конституции Российской Федерации подробных норм о недопустимости сексуального насилия над детьми со стороны взрослых, данный аспект путем надлежащей аксиологической конкретизации статьи 38 Основного Закона Российской Федерации может быть обоснован сегодня так, чтобы претендовать на роль конституционно значимого, что можно проиллюстрировать на примере последнего законопроекта Президента Российской Федерации, ужесточающего уголовную ответственность за педофилию.

Одним из традиционно разделяемых подходов в теории права и законодательстве является классификация объектов правовых отношений по уровню их значимости для соблюдения правопорядка и охраны общественных отношений. По существу, в научной литературе, говоря о построении глав Особенной части кодексов или подразделении объектов противоправных посягательств, авторы во многих случаях подразумевали ценности, хотя их нередко именовали «социально апробированными и нормативно закрепленными

оценками» [6, с. 436]. В системе объектов уголовно-правовой охраны (уголовно-правовых ценностей) можно выделить **жизнь и здоровье** (ст. 105–125 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее – УК РФ), **свободу, честь и достоинство личности** (ст. 126–128 УК РФ), **половую неприкосновенность и половую свободу** (ст. 131–135 УК РФ), **конституционные права и свободы человека и гражданина** (ст. 136–149 УК РФ), **семью и несовершеннолетних** (ст. 150–157 УК РФ), **собственность** (ст. 158–168 УК РФ), **экономическую деятельность** (ст. 169–199.2 УК РФ), **интересы службы в коммерческих и иных организациях** (ст. 201–204 УК РФ), **общественную безопасность и общественный порядок** (ст. 205–227 УК РФ), **здоровье населения и общественную нравственность** (ст. 228–245 УК РФ), **экологию** (ст. 246–262 УК РФ), **безопасность движения и эксплуатации транспорта** (ст. 263–271.1 УК РФ), **компьютерную информацию** (ст. 272–274 УК РФ), **основы конституционного строя и безопасности государства** (ст. 275–284 УК РФ), **государственную власть, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления** (ст. 285–293 УК РФ), **правосудие** (ст. 294–316 УК РФ), **порядок управления** (ст. 317–330 УК РФ), **военную службу** (ст. 331–352 УК РФ), **мир и безопасность человечества** (ст. 353–360 УК РФ). Следовательно, **половая свобода и половая неприкосновенность личности** относятся к числу важнейших ценностей, необходимых личности для безопасного функционирования в обществе и государстве. Обеспечение их защиты от общественно опасных посягательств осуществляется с помощью норм уголовного закона.

Следует сразу оговорить, что с точки зрения исключительно аксиологического взгляда на уголовный закон посягательства на половую свободу и неприкосновенность (объект уголовно-правовой охраны) могут быть часто связаны с негативным воздействием и на другие ценности (здоровье, достоинство, общественную нравственность). Назначаемое за совершение преступлений уголовное наказание и иные меры уголовно-правового характера должны быть соразмер-

ны, пропорциональны и адекватны обстоятельствам дела и личности виновного лица, что выдвигает на передний план еще одну проблему: ценностное взаимодействие интересов потерпевшего и виновного лица. Это позволяет заметить, что в процессе действия механизма уголовно-правового регулирования возникает потребность в установлении приоритета, равноценности или определении иных форм соотношения различных ценностей, в том числе ценностей различных социальных сфер (государственного управления, личности или экономической сферы) и ценностей одного рода, вида (жизнь потерпевшего – жизнь виновного, здоровье потерпевшего – здоровье виновного и т. п.). Социальная обстановка может приводить даже к своеобразной конкуренции ценностей, в рамках которой законодатель и правоприменитель ищут ответ на вопрос, какой из противоречащих, «борющихся» друг с другом ценностей отдать предпочтение вообще (в случае правотворчества) или в конкретной ситуации (в процессе правоприменения по определенному делу) ¹. Однако если в ходе правоприменительной деятельности должностное лицо может использовать свое правовое усмотрение, отдавая предпочтение критериям нравственности [7, с. 10–31] или соображениям справедливости [1, с. 7, 8], то при внесении изменений и дополнений в действующий нормативный правовой акт ценностное суждение законодателя объективно приобретает черты аксиологического основания нормативной конкретизирующей правовой оценки. Отсюда, до специально-юридической, нормативной конкретизации тех или иных норм закона нередко уполномоченным субъектам приходится осуществлять **аксиологическую конкретизацию данных норм**, под которой можно понимать процесс предварительного (когнитивного по внутренней форме) развертывания их смысла и содержания, когда осуществляется обнаружение, анализ и синтез (закрепление) в определенной модели обусловленного потребностями социально-юридической практики соотношения между защищаемыми правами ценностями, а внешним (объективированным) результатом этой деятельности выступает сформулированная в тексте статьи нормативного акта (проекте такого акта)

юридико-формализованная конкретизирующая модель регулирования вида (подвида) общественных отношений. Представляется, что в данном виде проблема аксиологического обоснования правовых решений и аксиологической конкретизации закона еще не ставилась.

Президент Российской Федерации внес 11 июля 2011 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Законопроекту был присвоен номер 577813-5 [3]. Как следует из пояснительной записки к проекту федерального закона, он направлен на повышение эффективности противодействия поражающим своей жестокостью и дерзостью преступлениям, совершаемым против половой неприкосновенности детей. Уже в первых строках пояснительной записки видно, что половая неприкосновенность детей представляет собой наиболее важную, базовую ценность, значимости которой дается нравственное обоснование путем характеристики посягательств на нее как «жестоких» и «дерзких». Социологическая мотивировка далее обращает наше внимание к статистическим данным о том, что в 2010 г. в Российской Федерации было совершено 961 изнасилование несовершеннолетних, из них в 384 случаях потерпевшие не достигли четырнадцатилетнего возраста. За указанный период из 7 598 человек, осужденных за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности (статьи 131–135 Уголовного кодекса Российской Федерации), более 2 000 осужденных имели неснятые и непогашенные судимости, около 500 человек совершили данные преступления, будучи освобожденными от отбывания наказания досрочно [2]. Из нравственных и социолого-статистических доводов рождается усовершенствованная нормативная модель уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьями 131–135 УК РФ. Однако вполне очевидно, что формированию этой нормативно уточненной модели предшествует акт

ценностной конкретизации, выражающийся во внутреннем совмещении и взаимной оценке жизни, здоровья, чести, достоинства, половой неприкосновенности детей и взрослых, влекущих за собой внешнюю формально-юридическую оценку преступных посягательств взрослых в отношении детей.

Основной идеей, пронизывающей законопроект, является дифференциация уголовной ответственности в зависимости:

- 1) от круга лиц, совершивших преступления сексуального характера в отношении детей (страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости; иных лиц, совершивших преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности);
- 2) возраста потерпевшего (потерпевшей): до 12 лет, от 12 до 14 лет, от 14 до 16 лет, от 16 до 18 лет.

Взаимодействие ценностей (жизни, здоровья ребенка и жизни, здоровья взрослого) рождает конкуренцию между этими ценностями в плане соотношения значимости преступления и размера наказания, иных мер уголовно-правового характера. При этом лицам, страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости, могут быть назначены принудительные меры медицинского характера на основании решения суда, принятого с учетом положительного заключения обязательной судебно-психиатрической экспертизы. Тем самым, с позиций ценностного суждения делается вывод о признании таких людей психически больными, что позволяет считать их деяния общественно опасными посягательствами, но не преступлениями. Ведь, если вдруг законодатель решил бы рассматривать применение профилактических медикаментозных средств и химической кастрации в качестве мер уголовного наказания, то неизбежно встал бы вопрос о конфликте вышеуказанных ценностей, возможностях ограничения одной юридически защищенной ценности с помощью другой ценности. Представляется, что вполне обоснованно в основании снижения возраста потерпевшего как уголовно значимого обстоятельства для этих преступлений лежит научно доказанная теория психических болезней. Согласно Международной

классификации болезней, педофилия относится к группе расстройств сексуального предпочтения (парафилий), которые, как правило, выражаются в постоянном или преобладающем сексуальном предпочтении детей препубертатного (10–14 лет) или раннего пубертатного возраста (5–10 лет) [5]. Обязательное проведение судебно-психиатрической экспертизы в данном случае обусловлено необходимостью обеспечения максимальной защищенности малолетних детей, то есть детей в возрасте именно до четырнадцати лет. Соответствующие положения международных нормативных документов были преобразованы в «возрастную» шкалу потерпевшего: 12, 14, 16, 18 лет – с помощью особой по форме, механизму действия и целям аксиологической конкретизации.

Так, в проекте федерального закона № 577813-5 предлагается на одинаковую ступень уголовно-правовой ценностной шкалы поставить изнасилование потерпевшей, не достигшей 14-летнего возраста (п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ), а также квалифицированные составы полового сношения и развратных действий (ч. 3–5 ст. 134 УК РФ и ч. 2–4 ст. 135 УК РФ), совершенных в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий. Данные квалифицированные составы преступлений, предусмотренных статьями 134, 135 УК РФ, через ценностно-конкретизирующую процедуру осмысления беспомощного состояния преобразуются в особо квалифицированный состав изнасилования, традиционно уже имеющий конструктивный признак беспомощного состояния потерпевшего. Совершение этих преступлений лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, может повлечь для виновного лица по законопроекту пожизненное лишение свободы.

Здесь следует отметить, что аксиологическая конкретизация имеет для юридической практики организующее, позитивное значение. В приведенном примере существуют и положения, к которым можно отнести критически, нуждающиеся в дополнительном обосновании или развитии своих содержатель-

ных аспектов. Так, представляется, что баланс между характером преступлений против лиц, достигших/не достигших 12-летнего возраста, и размером наказания за их совершение, предлагаемый в законопроекте, не всегда пропорционально выдержан. Частью 3 ст. 134 УК РФ в редакции законопроекта предусматривается самостоятельный состав преступления: половое сношение, совершенное с лицом, достигшим 12-летнего возраста, но не достигшим 14-летнего возраста. Однако размер наказания за его совершение в виде лишения свободы предлагается на срок от трех до десяти лет. В то же время половое сношение с лицом, не достигшим 12-летнего возраста, в силу возраста и презумпции законопроекта находящимся в беспомощном состоянии, квалифицируется сразу как изнасилование, предусмотренное п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ (в действующей редакции) и влечет за собой наказание в виде лишения свободы на срок от 12 до 20 лет.

Возьмем, например, ситуации, когда оставалось 1–2 дня до наступления 12-летия потерпевшего, неизвестен его возраст и приходится прибегать к назначению судебно-медицинской экспертизы для правильного определения возраста, и иные спорные случаи. Разница между минимальным (три года) и максимальным (20 лет) размером наказания по ценностной шкале, предусмотренной обеими статьями УК РФ, чрезвычайно широкая. В условиях недостаточной правокультурности субъектов современного российского уголовного судопроизводства, подверженных в своей деятельности влиянию множества факторов социально-экономической жизни, включая коррупцию, думается, что аморально поступивший взрослый преступник вполне может получить минимальный срок – 3 года лишения свободы. Вместе с тем его преступное деяние может иметь последствия, аналогичные изнасилованию, и, во всяком случае, сравнительно одинаково подвергается крайне отрицательной нравственно-правовой оценке со стороны общества. Следовательно, размер наказания за посягательство на половую неприкосновенность лиц, достигших 12-летнего, но не достигших 14-летнего возраста, требует дополнительного ценностного обоснования через конкретизацию типичных социально вредных последствий и личного ущерба

здоровью, которые могут наступить для этих лиц. Представляется, что они-то как раз и должны защищаться на уровне, характерном для всей уголовно-правовой защиты несовершеннолетних, а специфика их социально-правового статуса должна быть соразмерно отражена в нормативной конструкции состава преступления и индивидуально-правоприменительной оценке конкретных преступных действий. Например, границы наказания за половое сношение с лицом, достигшим 12-летнего возраста, но не достигшим 14-летнего возраста (ч. 3 ст. 134 УК РФ в редакции законопроекта) могли бы быть установлены в рамках не от 3 до 10 лет лишения свободы, как предлагается в законопроекте сейчас, а от 6 до 15 лет лишения свободы. Данная корректировка не просто отражала бы общую тенденцию усиления уголовной ответственности за сексуальные посягательства взрослых на половую неприкосновенность детей, но и в наибольшей степени отвечала бы защите интересов потерпевших детей, априорно являющихся «слабой» стороной в таких уголовных делах. Наказание в виде лишения свободы за преступления, предусмотренные последующими частями 4–6 ст. 134 УК РФ в редакции законопроекта, в таком случае также корреспондировало бы с идеей усиленной защиты детского блага как ценности. Совершенные в отношении двух или более потерпевших деяния наказываются по проекту лишением свободы от 8 до 15 лет (ч. 4); группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой – лишением свободы от 12 до 20 лет (ч. 5); в отношении малолетнего (12 и 13 лет) лицом, ранее судимым за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, – лишением свободы от 15 до 20 лет или пожизненным лишением свободы (ч. 6). Тогда наказание за половое сношение (до 4 лет лишения свободы), мужеложство, лесбиянство (до 6 лет лишения свободы) с лицом, достигшим 14-летнего, но не достигшим 16-летнего возраста и половой зрелости (в редакции законопроекта), можно, по нашему мнению, вообще не дифференцировать, так как с точки зрения психофизиологических последствий для будущего ребенка и социальной адаптации детей, подвергшихся насилию, между ними не существует принципиальной разницы. В плане нравственной оценки и социально-правовых последствий аналогичных преступ-

лений одинаково плохо и преступно квалифицируются как гетеросексуальные, так и гомосексуальные контакты с детьми, негативно влияющие на их индивидуальное развитие как будущих членов общества: налогоплательщиков, избирателей, матерей, отцов, военнослужащих и т. п. Соответственно, уголовное наказание за простые составы преступлений, предусмотренных ст. 134 УК РФ (ч. 1 и 2) в редакции законопроекта нужно установить более строго – в диапазоне от 3 до 10 лет лишения свободы, в отличие от предложенного законопроектом только для одного квалифицированного состава преступления по этой статье (ч. 3).

Дискуссионным является также вводимое примечание к ст. 134 УК РФ в редакции законопроекта, состоящее из 2 пунктов.

Первый пункт нового примечания закрепляет, что лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 настоящей статьи, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшей (потерпевшим). Данная норма юридически легализует давно сложившийся механизм социального компромисса между взрослым лицом (достигшим 18 лет), совершившим половое сношение с несовершеннолетним, не достигшим половой зрелости (в анализируемом законопроекте – до 16 лет), достигаемого путем заключения брака между ними. При этом должны отсутствовать иные квалифицированные признаки состава преступления. Указанное нововведение в уголовном законе вполне соответствует апробированной в России практике допустимости вступления в брак с 16 лет – при наличии уважительных причин, признанных органом местного самоуправления, а с 14 лет – с учетом особых обстоятельств: наличия беременности, рождения ребенка или непосредственной угрозы жизни одной из сторон (ч. 2 ст. 13 Семейного кодекса Российской Федерации). Наличие презюмируемой в этих случаях половой зрелости лиц, вступающих в брак (не менее 18 лет и не моложе 16 лет) позволяет путем аксиологической конкретизации (развертывания и преобразования общесоциальной модели брака) «перенести» юридическую модель «раннего брака» из семейного

в уголовный закон. Следовательно, в ходе таких когнитивных процедур осуществляется расширение сферы действия этого правового института. Вступление в брак с потерпевшим, не достигшим 16 лет и половой зрелости, в целях устранения общественной опасности деяния в уголовном законе рассматривается как исключительный случай. Деяние признается преступлением, но предусматривается освобождение судом лица от наказания, что в итоге отвечает интересам обеих сторон и не нарушает публичный (семейно-правовой и уголовно-правовой) порядок отношений в этой сфере жизни общества.

Второй пункт примечания к ст. 134 УК РФ определяет, что в случае, если разница в возрасте между потерпевшей (потерпевшим) и подсудимым (подсудимой) составляет менее четырех лет, к последнему не применяется наказание в виде лишения свободы за совершенное деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи или ч. 1 ст. 135 настоящего Кодекса. Условие отсутствия квалифицированных признаков составов преступлений возражения не вызывает. Если учесть, что подсудимый – всегда лицо, достигшее 18 лет, то при минимальном возрасте подсудимого речь идет о трех соотношениях возрастов: 18 – 15 лет, 18 – 16 и 18 – 17 лет. Тенденция к достижению потерпевшим половой зрелости и осознанности своих половых поступков по мере достижения 15-, а затем 16- и 17-летнего возраста, сама по себе еще не свидетельствует о возможности создавать подсудимому такого рода преференции в виде недопустимости применения к нему лишения свободы. А если последствия полового сношения таковы, что оно приводит к длительной психотравмирующей ситуации в жизни подростка, а взрослый, которого не посадили, будет продолжать гулять рядом с ним во дворе, около школы? Ведь и при соотношении возрастов 18 – 14 лет суд может также не применять лишение свободы, руководствуясь дискрецией (усмотрением), учитывая общие начала назначения наказания и достижение его целей (ст. 60 УК РФ). По-видимому, пункт второй предлагаемого нового примечания к ст. 134 УК РФ нуждается в дополнительной аксиологической и конкретизирующей аргументации. В данном случае логично было бы

предоставить решение этого вопроса именно не законодателю, а правоприменителю.

Таким образом, на примере конструирования новых, редактирования существующих составов преступлений, совершенствования системы уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних можно обосновать такое научно значимое, теоретико-правовое явление, как аксиологическую конкретизацию права и закона. Выделение этого особого феномена правовой деятельности позволит охарактеризовать особенности механизма, форму и конкретные способы решения сложных проблем юридической практики, нуждающихся в скорейшем разрешении на нормативном уровне. Нормативная, юридическая конкретизация во многих случаях предполагает систематизацию и переработку известных законодателю общественных и правовых ценностей, учет их соотношения и взаимодействия, неодинакового в различных социальных сферах, разрешение конкуренции между ними, определение ценностных приоритетов. Однако мы убеждены в том, что общим критерием обоснованности и эффективности аксиологической конкретизации права должны быть требования соразмерности, пропорциональности, адекватности нормативных решений и их ценностных обоснований, последовательное соблюдение которых обеспечивает требуемый баланс между частноправовой и публично-правовой сферами общественной жизни, между личностью, обществом и государством.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ До настоящего времени в теории права указывали, пожалуй, лишь на конкуренцию между самими правовыми нормами. См.: Сенякин И. Н., Арзуманян А. Э. Конкуренция норм российского права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2011. С. 39–55.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопленко, Н. Н. Понятие и виды юридической справедливости / Н. Н. Вопленко // Вестник ВолГУ. Сер. 5, Юриспруденция. – 2011. – № 2 (15). – С. 7–17.
2. Государственная Дума Российской Федерации. Официальный сайт. Автоматизированная

система обеспечения законодательной деятельности. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=577813-5&02>. – Дата обращения: 18.02.2012. – Загл. с экрана.

3. Государственная Дума Российской Федерации. Официальный сайт. Законопроекты. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/systems/law/?class=68253&federal-subject=6230500&sort=date>. – Дата обращения: 18.02.2012. – Загл. с экрана.

4. Конституция Российской Федерации. – М. : Юрид. лит., 1993. – 64 с.

5. Международная классификация болезней МКБ-10. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.mkb10.ru>. – Дата обращения: 18.02.2012. – Загл. с экрана.

6. Философия : энцикл. слов. / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – 1072 с.

7. Цыбулевская, О. И. Нравственные основания современного российского права / О. И. Цыбулевская. – Саратов : Саратов. гос. акад. права, 2004. – 220 с.

THE AXIOLOGICAL BASIS OF LAW DECISIONS IN THE SPHERE OF CHILD BENEFIT

Yu. A. Gavrilova

This article is devoted to the problem of the axiological basis of legislative and law enforcement decisions in defense of a child benefit in the case study of the latest draft law in sphere of criminal responsibility for pedophilia. The author proves that regulative law specification is often preceded by axiological law specification.

Key words: *child benefit, law value, competitiveness of values, value priority, balance of interests, justice.*